

Просто идеальная ночь. Безоблачная и почти безлунная. Хотя с ясным небом приходит холод. По радио сказали, что сегодня ночью могут быть заморозки. Но он уже делал это раньше и потому готов к холоду. Лямка рюкзака впивается в плечо. Он поднимает ее чуть выше и шагает дальше. Несмотря на темноту, его шаг тверд и решителен: он знает, куда идет. Пару дней назад он провел полную разведку. И все же ночью особенно не разгонишься, тем более с полным комплектом. Но он сделал скидку на это. Да и в любом случае в этой игре главное — терпение. Чтобы быть в нужное время в нужном месте и в нужных условиях.

Тропа теперь вьется через лес. Он чувствует, как проминается земля, как пружинит, словно матрас, под его ногами; многочисленные слои опавших листьев превратились в губку. Невидимые в зарослях над головой, перекликаются совы, в подлеске шуршат мелкие зверюшки. Но громче любого из этих звуков стук его сердца. Выйдя наконец из леса, он останавливается на гребне холма и глубоко вдыхает холодный сырой воздух, приправленный запахом древесного дыма из дома, стоящего внизу, в долине. Вокруг на многие мили окрест ни души. Единственный признак жилья — россыпь огней на дальних холмах, словно отражение созвездий. Здесь, на открытой местности, царит оглу-

шающая тишина. Ни дуновения ветерка, лишь дыхание земли.

Он на миг окидывает взглядом небо, затем сбрасывает с плеч рюкзак, садится с ним рядом и щелкает фонариком. Затем вытаскивает треногу и прибор ночного видения — и, чувствуя, как нарастает в груди волнение, начинает их соединять.

Адам Фаули

21 октября

21:15

— Так что ты думаешь? Я знаю, Бен слишком молод, чтобы стать крестным отцом, но если бы не он...

Я загружаю в машину последнюю грязную тарелку и выпрямляюсь. Алекс наблюдает за мной с другого конца кухни. Вид у нее слегка настороженный, хотя я не знаю почему: вряд ли она ждет, что я отвечу отказом.

— Конечно, по-моему, это отличная идея.

На холодильнике позади меня висит фотография Лили и Бена. Его маленькое личико выглядит одновременно радостным и испуганным, потому что раньше он ни разу не держал на руках ребенка и явно боится, что все делает неправильно. Именно Бен — наш одиннадцатилетний племянник — вызвал «Скорую», когда у Алекс начались преждевременные роды, а дома никого не было. Уж точно не было меня. Я вообще об этом не знал. Потому что двенадцать часов провел в камере в Ньюбери по обвинению в изнасиловании и убийстве. Я не собираюсь вдаваться во все эти подробности снова — полагаю, вы и без того в курсе¹, а если нет, то прошу прощения, но последние несколько недель я изо всех сил старался не заикливаться на всем этом. Скажем так, я должен благодарить двух человек за то,

¹ См. роман Кары Хантер «Что скрывает правда».

что сейчас я здесь, загружаю мою посудомойку грязной посудой, а не выношу тюремную парашу.

Один из этих двоих моя жена; второй — Крис Гислингэм. Гис, чье имя стоит в словаре как одно из определений слова «надежный». Гис, который пока не знает об этом, но ему нужно будет почистить свой свадебный костюм, потому что, когда через несколько недель Лили будут крестить, он будет стоять рядом с Беном как второй ее крестный отец.

Радионяня начинает потрескивать, и я слышу тихое кряхтенье и сопение пробуждающейся дочери. Она удивительно солнечный ребенок — почти никогда не плачет, даже когда нужно сменить подгузник. На ее маленьком личике появляется удивленное выражение, как будто мир должен быть устроен не так. Остальное время она лежит в своей кроватке, улыбается мне и брыкается крошечными ножками, разбивая мне сердце. У нее голубые с сиреневым глаза ее матери и мягкий пушок темно-каштановых волос, как и у ее матери. И хотя я такой же предвзятый, как и любой новоявленный папаша, когда люди говорят нам, какая она красивая, я просто думаю: «Черт, ты прав, еще какая красивая, здоровая, и, главное, она у нас есть!» Есть, несмотря ни на что, хотя после потери Джейка мы думали, что наш последний шанс упущен...

— Я подойду, — говорит Алекс. — Наверное, она просто голодна.

Что в переводе с ее материнского языка означает «от тебя в любом случае мало пользы». Она нежно касается моей руки, проходя мимо, и я улавливаю ее запах. Шампунь, и детское молоко, и сливочный аромат ее кожи. В последние месяцы беременности Алекс выглядела затравленной, как будто запертой

в клетку, как будто находящейся на грани ужаса. Но в тот последний день, день, когда родилась Лили, что-то изменилось. Она заново нашла себя. Возможно, это были гормоны, возможно, адреналин, кто знает... Алекс так и не смогла это объяснить. Но именно прежняя Алекс додумалась, откуда исходили улики, подставлявшие меня, и, даже когда ее сажали в машину «Скорой помощи», она постаралась, чтобы ее сообщение дошло до Гиса. Прежняя Алекс, которую я всегда любил, прежняя Алекс, которая смеялась, была спонтанной, умела постоять за себя и перехитрить всех, кого я знаю, включая и меня самого. Я понял это лишь много, много позже, но дочь была не единственным подарком, который я получил в тот день. Я также вернул свою жену.

* * *

Расшифровка звонка на 999

21.10.2018, 21:52:08

Оператор 1: Единая экстренная служба; с кем вас соединить?

Звонящий: С полицией, пожалуйста.

Оператор 1: Соединяю. [Мелодия]

Оператор 2: Говорите, я слушаю.

Звонящий: Я в Уитэме [НЕРАЗБОРЧИВО, 00.09] Тут, возможно, случилась беда.

Оператор 2: Извините, я не расслышала... Вы можете повторить?

Звонящий: В большом доме на Оук-лейн [НЕРАЗБОРЧИВО, 00.12] Я что-то слышал.

Оператор 2: Вы на Оук-лейн, в Уитэме?

Звонящий: Не совсем; дело в том, что [НЕРАЗБОРЧИВО, 00.15] Определенно было на него похоже.

Оператор 2: Вас плохо слышно, сэр...

Звонящий: Мой телефон вот-вот разрядится [НЕРАЗБОРЧИВО, 00.17]

Оператор 2: Вы хотите, чтобы полиция приехала на Оуклейн, в Уитэм?

Звонящий: Да, да... [Гудок]

Оператор 2: Алло? Алло...

* * *

— Если верить «Гуглу», это то самое место.

Констебль Паттергил нажимает на кнопку «ручника», и они вдвоем смотрят из окна. Дом, может быть, и со словом «мэнор»¹ в названии, но на самом деле это просто ферма, пусть даже и довольно большая — подъездная дорожка из гравия, ворота с пятью запорами и старый, заляпанный грязью внедорожник, припаркованный возле открытого сарая. Дом выглядит тихим, уединенным и немного запущенным, как это часто бывает с домами старой аристократии. На что он уж точно не похож, так это на место, где случаются нехорошие вещи.

— Что там сказали в диспетчерской?

Паттергил строит гримасу:

— Немного, сержант. Связь была плохой, и они не расслышали половину того, что он говорил. Когда же попытались перезвонить, их звонок переключился на голосовую почту.

¹ «Мэнор» — слово, часто имеющееся в названии британских домов и местностей, принадлежащих или принадлежавших аристократии; приблизительный русский аналог — «поместье».

— А кто здесь живет, мы знаем?

— Супружеская чета по фамилии Суонн. Пенсионеры. Но они тоже не берут трубку. Хотя, по идее, должны были ожидать нас — дежурная часть оставила сообщение.

Сержант Барнетсон тяжело вздыхает и тянется на заднее сиденье за фуражкой.

— Понятно, — говорит он, берясь за дверную ручку. — Ну что ж, тогда вперед.

Пыхтя на холодном воздухе облачками белого пара, они идут по подъездной дорожке, под их ногами хрустит гравий. Они буквально чувствуют, как падает температура; к утру на этом внедорожнике будет лед.

У парадной двери кованый каретный фонарь и дверной звонок «под старину», за который нужно дергать, как за цепочку в туалете. Барнетсон морщится. Наверняка будут гребаные бляхи с конской сбруи¹.

Они слышат где-то в глубине дома звяканье колокольчика, но, несмотря на свет в одном из окон наверху, в доме нет признаков жизни. Паттергил топаёт ногами, чтобы согреться. Барнетсон снова звонит. Ждет. И снова ничего. Он отходит на пару шагов назад и смотрит вверх на второй этаж, затем жестом подзывает Паттергила:

— Можешь взглянуть, что там сзади? Я подожду здесь.

Здесь так тихо, что он слышит шаги Паттергила, идущего вдоль всей стены дома. Приглушенный стук. «Эй, тут есть кто-нибудь?» Молчание. А потом вне-

¹ Такие бляхи в Британии порой служат элементами интерьеров (и жилых, и нежилых помещений) в стиле сельского ретро.

запно слышится топот бегущих ног. Паттергил появляется из-за угла и резко тормозит на россыпи гравия.

— Мне кажется, там кто-то есть, сержант... На полу... Слишком темно, чтобы что-то разглядеть, но сдается мне, что это раненый...

Барнетсон подходит к двери, но, как только он тянется, чтобы постучать, раздается лязг отодвигаемых засовов, и дверь распахивается. Мужчине на крыльце хорошо за шестьдесят, а может, и все семьдесят. Он немного сутулый, с угловатым и костлявым лицом. На нем поношенный кардиган; такой прослужит лет тридцать, если носить его бережно, как, очевидно, он и делал. Он также не похож на человека, с которым может случиться что-то плохое. Более того, как уже заключает Барнетсон, Паттергил наверняка ошибся: ни один человек из тех, у кого на кухне лежит пострадавший, не может быть настолько внешне спокоен, как этот.

— Да?

Гласные в его выговоре, похоже, такие же куцые, как его изгородь.

— Мистер Суонн, не так ли?

Мужчина хмурится:

— Да?

— Сержант Барнетсон, констебль Паттергил, полиция долины Темзы. Нам позвонил представитель обществуности. Он подумал, что вам может понадобиться помощь.

На лице мужчины что-то мелькает. Раздражение? Удивление? Он спешит отвести взгляд. Барнетсон замечает, что он не спрашивает их, что сказал звонивший или с чего они взяли, что тут что-то не так.

— Я думаю, — тяжело произносит он, — вам лучше зайти.

Он направляется в дом, и двое полицейских переглядываются. Что-то случилось, но явно ничего серьезного, и уж точно не труп. Но что тогда? Кража со взломом? Какая-то мелкая бытовая ссора?

Холл вымощен каменной плиткой. Подставка для резиновых сапог, вешалка с вощеными куртками и твидовыми кепками, на стене ряд заплесневелых акварелей, по большей части висящих вкривь и вкось. Где-то наверху кто-то запускает слив унитаза. Барнетсон оглядывается на Паттергила. Тот пожимает плечами и делает мысленную пометку предложить коллеге на обратном пути заехать на чай в гараж на объездной дороге: внутри ненамного теплее, чем снаружи.

— Это здесь, — говорит Суонн, указывая вперед. Они сворачивают за ним за угол. Две ступеньки вниз, и они входят в кухню.

Через тридцать секунд Паттергил, спотыкаясь, вываливается из задней двери и извергает остатки своего обеда на мощенную плиткой дорожку.

* * *

— Значит, по их мнению, все прошло хорошо?

Эверетт пытается перехватить взгляд Сомер, но та разглядывает свои руки.

Палата вокруг них полна больничного фонового шума. Бодрые голоса медсестер, грохот тележек, езда шторных колесиков по металлическим карнизам.

— Эрика?

Сомер поднимает голову и тяжело вздыхает:

— Насколько мне известно.

— Но они обнаружили ее очень даже рано, верно? Так они сказали... До того, как...

Сомер сообщили, что у нее злокачественная опухоль на одном из яичников. Она не отвечает на вопрос Эв, и все остальные вопросы повисают в воздухе, так и не будучи озвучены.

Сомер начинает рассеянно крутить пластмассовый браслет на запястье. Она пытается сдержать слезы, и ее губы дрожат.

Эв тянется к ее руке.

— А как насчет родителей? Они были у тебя?

Сомер закусывает губу и качает головой:

— Я не могу смотреть им в лицо. Мне и без того так...

Предложение обрывается. Эв так и подозревала. И она поняла: последнее, что сейчас нужно Сомер, — это поток родительского сочувствия, пусть даже и искреннего. Но у Эрики Сомер еще есть сестра и бойфренд. Где они?

Сомер поднимает глаза и как будто читает ее мысли:

— Кэт в Вашингтоне.

Воцаряется молчание. Молчание, наполненное Джайлсом.

Джайлсом, который любит Сомер. Джайлсом, который по какой-то причине испарился еще до того, как ей поставили диагноз. Эв этого не понимает. Не понимала тогда, не понимает и сейчас.

Она вздыхает:

— Прости, но я должна спросить. Почему ты не позвонишь Джайлсу? Он ведь даже не знает, что ты здесь, не так ли?

По щекам Сомер текут слезы, но она даже не пытается их смахнуть.

Эв неприятно даже думать о нем, но дела у Сомер гораздо хуже. И суть не только в этом — на работе назревает дисциплинарный процесс. Пока что он приостановлен, но это не значит, что его не возобновят. Впрочем, Джайлс все равно заслуживает толики жалости: бедняга, наверное, недоумевает, что же он сделал не так.

Она набирается смелости и уже открывает рот, чтобы что-нибудь сказать. Но в этот самый момент звякает ее телефон.

* * *

Кухня наполняется людьми. Это начинает прибывать команда криминалистов во главе с Аланом Чэлоу. Последнего явно оторвали от воскресного ужина перед телеэкраном, чем он, похоже, не слишком доволен.

— Смотрел «Охотник за разумом»¹, — говорит он, хотя его никто не спрашивал. — Вот какими на самом деле должны быть последствия подобного выстрела, а не такими, как нам обычно показывают, — добавляет он, кивая на труп. — Большинству телевизионщиков просто не хватает яиц.

Нина Мукерджи смотрит с другой стороны кухонного стола, на котором она распаковывает свой набор для судебно-медицинской экспертизы.

— Ну разве можно их винить? Ты посмотри на него.

У жертвы отсутствует отнюдь не мошонка. Он лежит на спине, ноги согнуты; стена позади него

¹ «Охотник за разумом» — американский сериал о становлении современных методов Отдела поведенческого анализа ФБР (2017–2019).